

— Лекарь! Лекарь! Тот ребенок, он горит!

Чжан Еи на мгновение замер, сбитый с толку: откуда в его аптеке взялся детский голос? К тому же, хотя он и был одним из лекарей клана, соплеменники обычно называли его целителем И, и никто не обращался к нему просто лекарь.

Чжан Еи насторожился, но стоило ему увидеть ребенка, как всякая бдительность тут же испарилась. Перед ним стоял мальчик лет семи-восьми, словно выточенный из снега: белоснежные волосы, кожа без единого изъяна, похожая на фарфор. У снежного мальчишки были живые зеленые глаза — прозрачные, как озерная гладь в утреннем тумане, светящиеся первозданной весенней свежестью.

Есть ли в клане такой белоснежный ребенок?

Чжан Еи замялся, но тут же вспомнил. Ах да, это сирота из главной ветви. Его родители погибли во время задания, а сам он из-за врожденного альбинизма и слабого телосложения не смог пройти жестокие тренировки клана и всегда держался в тени. Если бы не заслуги родителей, чистокровная кровь и наличие родословной Циляня, его бы давно отправили на воспитание в боковые ветви. Надо же, его взяли в этот поход, и он даже сумел вернуться.

— Лекарь, ребенок горит!

Услышав это, Чжан Еи не засуетился — жар у этого мальчишки был вполне ожидаем. Он спокойно посмотрел на белоснежного ребенка и довольно сухо произнес:

— Чжан... Синцзэ, отнеси ему это лекарство. Дай выпить, а потом наблюдай. Если через два часа температура не спадет, приходи ко мне.

Су Синцзэ наблюдал, как Чжан Еи снял с печи пузырящийся котелок и разлил по мискам горький отвар. Темно-бурая жидкость всколыхнула воспоминания: глубоко запрятанный в памяти вкус, от которого когда-то воротило, мгновенно всплыл наружу. Су Синцзэ поморщился.

Не притрагиваясь к миске, он лишь взмахнул рукой, и та послушно зависла в воздухе, следуя за ним в комнату больного. Ребенок был без сознания и явно не мог пить самостоятельно, но для Су Синцзэ это не было проблемой. Он лишь бросил взгляд на миску, и тонкая струйка бурого отвара сама потянулась к губам мальчика.

Малыш почувствовал горечь и попытался рефлекторно выплюнуть лекарство, но стоило ему приоткрыть рот, как отвар беспрепятственно хлынул внутрь. Не умеет глотать? Не беда: жидкость, словно обладая собственной волей, миновала дыхательные пути и направилась прямоком в желудок. Миска быстро опустела и сама опустилась на стол.

Увидев, как сморщилось от горечи личико ребенка, Су Синцзэ не удержался и приснул со смеху. Словно почувствовав насмешку, мальчик во сне недовольно хмыкнул.

Лекарство целителя подействовало — через час жар наконец спал. В тихой комнате мальчик с трудом приоткрыл глаза. Он уставился в потолочную балку, перевел взгляд на парящего в воздухе маленького Жэньюя, читающего книгу, и моргнул.

Су Синцзэ, который в своем уменьшенном виде как раз листал мангу, заметил его взгляд, отправил книгу в личное пространство и спустился вниз.

— Очнулся? Скажу тебе по секрету: если бы не я, ты бы уже давно сгорел и стал дурачком. Так что ты обязан мне жизнью, понимаешь? С тебя благодарность.

Су Синцзэ выпалил это, даже не дожидаясь, пока ребенок окончательно придет в себя.

— Эй, я с тобой разговариваю! — Су Синцзэ надулся, не дождавшись ответа.

Мальчик молча смотрел на маленького Жэньюя, который был короче его собственной руки. Заметив, что тот сердится, он тихо произнес одно слово:

— Лекарство.

Су Синцзэ слегка ткнул его хвостом в щеку и скрестил руки на груди, всем видом показывая недовольство:

— Ты говоришь, что выпил лекарство, а теперь угадай, кто сказал лекарю, что у тебя жар, и кто тебя поил? Неблагодарный мальчишка, знал бы — не одалживал бы тебе свой хвост, чтобы охладиться.

Ребенок посмотрел на надувшегося Жэньюя, перевел взгляд на его красивый хвост, и в глазах мелькнуло недоумение. Значит, то прохладное ощущение, которое он чувствовал во сне, было хвостом этого существа.

— Спасибо, — тихо поблагодарил мальчик, поняв, что это существо ему помогло.

На лице маленького Циляня не отразилось почти никаких эмоций, но его выдающаяся внешность с лихвой это компенсировала. Су Синцзэ был падок на красоту, а раз маленький Цилянь такой изящный и милый, то, глядя в его огромные черные глаза-виноградины, он решил смириться и принять извинения.

Поблагодарив, мальчик снова уставился в потолок, погружившись в свои мысли. Он размышлял об одном: маленький Жэньюй вышел из руин Древнего города, выглядит совсем не как

человек, да еще и с хвостом длиннее его собственного роста. Неужели целитель действительно не схватит его? В клане Чжан строжайшая дисциплина, и чужакам здесь не место. Чем дольше он думал, тем растеряннее становилось его лицо.

Из-за слабости после потери крови и долгого отсутствия общения мальчик не хотел говорить, даже если его мучили вопросы. А Су Синцзэ относился к ребенку как к занятой игрушке: подразнить, чтобы убить время, — это пожалуйста, а если игрушка не хочет играть — тоже не беда.

Видя, что мальчик молчит, он не стал допытываться. Достав недочитанную мангу, Су Синцзэ вдруг кое-что вспомнил. Он повел хвостом по телу ребенка, привлекая внимание, и спросил:

— Маленький Цилинь, как тебя зовут?

Су Синцзэ заметил, что все члены клана Чжан — Наследники крови с родословной Цилиня, разница лишь в её концентрации. По пути сюда он встретил уже больше двадцати человек, но этот маленький Цилинь был самым чистокровным из всех. Да что там, даже те дети, что погибли в руинах, имели довольно высокую концентрацию крови. Этот клан Чжан был донельзя странным: вместо того чтобы беречь детей с такой силой, они использовали их как расходный материал.

Тц-тц!

В голове Су Синцзэ пронеслись все виденные им когда-то мыльные оперы: борьба за власть, подавление талантливых сородичей, интриги могущественных семей. Позже, пообщавшись с кланом подольше, он поймет, что ошибся в своих догадках, но первое впечатление — безжалостность и холодная расчетливость — уже навсегда отпечаталось в его памяти.

Имя?

Взгляд мальчика затуманился, устремившись в пустоту. Конечно, у него было имя. Но после того случая все старались его избегать, словно он не был достоин так называться. Со временем оно стерлось из памяти, будто он стал человеком без имени.

— Маленький Цилинь? Ну чего ты? Я просто спросил имя, к чему такая реакция?

Миловидное, но нечеловечески прекрасное личико приблизилось к нему. Мальчик пришел в себя и попытался отстраниться, но, лежа в постели, он не мог скрыться от маленького Жэньюя. Он отвел взгляд, опустил ресницы и едва слышно произнес:

— Чжан Шэнлинь.

Голос его был таким тихим и легким, что казалось, будто от малейшего дуновения ветра эти

слова рассыплются в прах.

<http://bllate.org/book/22432/2355740>